

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 E-ISSN: 2409-1707
 2017, 5(1): 20-41

DOI: 10.13187/vs.2017.1.20
www.ejournal6.com

UDC 94(497.5)

The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the beginning of Demilitarization: three views out of Russia (F.F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part III

Artyom Y. Peretyatko ^{a, *}^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation**Abstract**

The article is reconstructed the organization of the Militärgrenze in 1860 on the basis of the russian-speaking materials. Special attention is paid the administrative-territorial system of Grenz regiments and principles of their mobilization. The author shows that the Austrian government initiated a serious military reform only in 1867, and attempted reform of the taxation of granichar, with was taken in 1864, was failed. The result of the study is conclusion that the Militärgrenze came into unstable for the Austrian Empire period in 1860 unprepared. Besides, the author concludes that at the beginning of 1870 problems of Grenz regiments began to lose actuality for the Russian military writers who have written about it before. Therefore, the process of demilitarization of the Militärgrenze was described by other officers and journalists.

Keywords: Grenz infantry, Cossacks, Military settlement, the Austrian Empire, N.P. Glinojeky, B. Katalinich, F. F. Tornau, N.I. Krasnov.

1. Введение

В предыдущих частях нашей статьи мы попытались объяснить, почему Военная Граница привлекла внимание нескольких русских офицеров в 1860 гг. Мы продемонстрировали, что сходство процессов в пограничных полках и Донском войске заинтересовало одного представителя казачьей элиты, выявили некоторые особенности статей в российской военной прессе о граничарах, и даже проанализировали неудачную попытку Б. Каталинича втянуть Россию в запутанный клубок югославянских интриг в качестве финансового и военного спонсора сербско-хорватского восстания против Габсбургов. Но что из себя представляла Военная Граница в 1860 гг.? И какой она предстает в работах русских офицеров?

2. Обсуждение и результаты

Труды Ф.Ф. Торнау, Н.П. Глиноецкого и Б. Каталинича изначально были призваны нести информационную функцию. По мнению М.В. Нигалатия, интерес Военного Министерства к последнему из названных авторов был связан не только с его политическими проектами, но и с теми «интересными подробностями о современном

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

положении Границы» (цитата из слов начальника Главного штаба Ф.Л. Гейдена), которые он сообщал (Нигалатий, 2007: 149-156). Современный историк вполне согласен с данным мнением и в своей диссертации указывает на то, что тексты Б. Каталинича являются ценнейшим источником по истории граничар (Нигалатий, 2009: 17). На наш взгляд, это не в меньшей степени относится и к работам других указанных нами военных писателей. Однако они вовсе не привлекли внимания исследователей, а М.В. Нигалатий ограничился созданием на основании записки Б. Каталинича «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии» одной из глав своей диссертации (Нигалатий, 2009: 23). Между тем в современной историографии несколько раз реформировавшаяся военная организация пограничных полков в 1860 гг. остается своеобразной «terra incognita». И поэтому от анализа мнений русских офицеров о граничарах логично перейти к реконструкции положения дел на Военной Границе на основании их работ, чтобы частично заполнить данную историографическую лауну.

Безусловно, в этом отношении наиболее интересна записка Б. Каталинича, содержащая не только «интересные подробности», но и целый ряд уникальных сведений о внутреннем устройстве пограничных полков. Однако, как мы показали в предыдущей части своей публикации, бывший австрийский офицер был склонен к серьезным преувеличениям, а часто и открытой лжи. Хотя, в отличие от политических и военно-исторических утверждений граничара, его описание организации Военной Границы находит определенное подтверждение в статьях Н.П. Глиноецкого, основанных на зарубежных обзорных работах, относиться к сообщаемым Б. Каталиничем сведениям стоит с серьезной осторожностью. На наш взгляд, материалы Ф.Ф. Торнау и Н.П. Глиноецкого не столь подробны и детальны, но и значительно менее субъективны, и поэтому заслуживают большего доверия. Важным дополнением к ним служит книга Л.В. Березина «Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница», вышедшая несколько позже, но основанная, помимо прочих источников, на личных наблюдениях автора, сделанных в 1860 гг., когда он был русским консулом в Риеке. Уже современниками отмечалась компилятивность и эклектичность данной работы, а так же использование ее создателем устарелых сведений (Ващенко, 2014: 78-82). Тем не менее, книга Л.В. Березина содержит интереснейшую информацию о Военной Границе, в некоторых случаях подтверждающую тексты Б. Каталинича. Кроме того, русский консул описал быт граничар и детали экономического развития региона, не привлекая внимания военных авторов. Работы Ф.Ф. Торнау, Н.П. Глиноецкого, Б. Каталинича и Л.В. Березина в чем-то противоречат друг другу, однако при детальном анализе эти противоречия удается объяснить, часто как раз использованием устарелых сведений. В целом, именно вопросы организации и администрирования граничар описывались российскими авторами наиболее схоже, в отличие от их политических настроений и отношений с Габсбургами.

Основной административно-территориальной единицей устройства Военной Границы был полк. Его командир имел, по определению Б. Каталинича, «в своем районе власть военную и гражданственную, располагая чуть ли не правами жизни и смерти». Соответственно, под его контролем оказывались не только солдаты, офицеры и военные чиновники, но и гражданские государственные служащие, выполняющие свои функции на полковой территории. В числе последних, например, были лесничие (в неограниченном количестве, по нуждам полка) и школьные учителя (26 учителей и их помощников). Были среди подчиненных полкового командира и женщины: 6 повивальных бабок, а так же учительница и ее помощница, обучающие девушек (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 40-56). Вообще Б. Каталинич уделил в своей работе серьезное внимание системе образования, сложившейся в полковых округах, и из его текста ясно видно, насколько она была связана с военной организацией граничар: в частности, в каждом полку и роте было свое училище. Бывший австрийский офицер оценивал их весьма высоко, утверждая, что любой полк ежегодно получает из таких школ 20 хорошо подготовленных кадет и унтер-офицеров (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 40-65). Судя по работам других авторов, внимание к образованию в полках и ротах было совершенно сознательным шагом австрийского правительства: еще в 1764 г. Мария Терезия повелела иметь в каждой роте учителя немецкого происхождения, который должен был обучать детей граничар говорить, писать и

читать на немецком, официальном языке государства Габсбургов и его армии, а так же развивать у них способности к военной службе (Березин, 1879: 340).

В 1860 г. Военная Граница была разделена на 14 полков и один отдельный батальон, однако их номера и штат мирного времени у разных авторов разнятся. Б. Каталинич в 1869 г. писал о 1-11 и 17-19 полках, состоящих из двух полевых и одного резервного (запасного) батальонов по шесть рот (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-46). Однако бывший граничар, судя по всему, был не точен. По крайней мере, согласно материалам русской военно-периодической печати, подобная организация пограничных частей, действительно существовавшая большую часть интересующего нас десятилетия, была отменена 1 февраля 1867 г. После этой даты обычный штат граничарских полков утратил прежнее однообразие, а их нумерация стала сквозной: 1, 3, 6, 7, 9, 12, 13 и 14 полки были развернуты до трех действующих и одного запасного батальонов, 2, 5 и 8 полки доведены до трех действующих батальонов и двух запасных рот, а 4, 10 и 11 полки включали в себя три действующих батальона и запасную роту. При этом количество рот в батальонах было уменьшено до четырех (Глиноецкий, 1867: 197). Нетрудно заметить, что это преобразование примерно совпадало по времени с резким сокращением трат на Военную Границу. И действительно, несмотря на увеличение числа действующих батальонов, количество строевых рот в полку осталось прежним, а численность находящихся на строевой службе граничар даже сократилась: с этого времени было предписано держать под ружьем только столько солдат, сколько было необходимо для гарнизонов и пограничных постов, распуская всех остальных по домам (Глиноецкий, 1867: 197). Понятно, что подобная реформа сокращала реальный срок пребывания граничар на действительной службе, что дополнительно ограничивало возможности их обучения и подрывало и без того сомнительную военную эффективность. Остается повторить, что после поражения в австро-прусской войне 1866 г., в условиях резкого сокращения военного бюджета, венское правительство если не сразу взяло курс на демилитаризацию Военной Границы, то, во всяком случае, не считало поддержание ее боеспособности приоритетной задачей.

Ошибку Б. Каталинича кажется логичным связать с его плохой информированностью о последних событиях в пограничных полках. Напомним, что он лично не участвовал в австро-прусской войне, и не застал многих последовавших за ней реформ. После возвращения из Мексики граничарский офицер только около трех месяцев прослужил в австрийских частях, после чего перевелся в сербскую армию (Нигалатий, 2007: 148-153). Вполне логично, что в таких обстоятельствах даже та часть его записок, которая вызывает меньше всего сомнений, описывает не столько текущую организацию Военной Границы и пограничных полков, сколько ту, которая существовала до 1864 г., когда начался мексиканский вояж Б. Каталинича.

Русские авторы, кроме Б. Каталинича и Л.В. Березина, бывавших на Военной Границе, не использовали специальные названия полков, обходясь номерами. Зато лично наблюдавший ситуацию в регионе Л.В. Березин гораздо чаще употреблял названия полков, чем их номера, что, очевидно, соответствовало местной традиции. Для хорватско-славонского участка Военной Границы, на территории которого в 1860 г. нумерация полков не менялась, соотношение номеров и названий у Л.В. Березина и Б. Каталинича полностью совпадает. На основании их работ можно составить следующий список полков: 1 личский полк, 2 оточанский полк, 3 огулинский полк, 4 слуйнский полк, 5 крижевский полк, 6 святогерогиевский полк (эти два полка именовались так же первым и вторым варадинскими (Глиноецкий, 1869б: 99), 7 бродский полк, 8 градишский полк, 10 первый банский полк и 11 второй банский полк (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-46; Березин, 1879: 332). Поскольку названия полков банатско-сербского участка Военной Границы указаны только в не вполне достоверной и неопубликованной работе Б. Каталинича, можно уверенно констатировать, что российской публике они были вовсе неизвестны.

Каждую весну действующие батальоны граничар получали пополнение. Особые списки способных держать оружие мужчин по возрастам велись в каждом полку, и молодые люди, достигшие призывного возраста, в соответствии с ними зачислялись в полевые роты первых двух батальонов. Одновременно солдаты, отслужившие свой срок в полевых частях, переводились в запасной батальон (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-51). Б. Каталинич не называет точных цифр, однако их можно найти в обстоятельной работе Л.В. Березина:

в мирное время срок службы граничара ограничивался 10 годами, причем из них 4 года он проводил в строю, 4 года в запасном батальоне, и 2 года в отпуску, после чего переводился в бессрочный отпуск и мог быть призван только в случае войны (Березин, 1879: 337).

После прибытия рекрутов в роты в последних начинались военные упражнения, длящиеся около месяца. Их главной целью было именно обучение новобранцев, и программа весенних учений составлялась сообразно данной задаче. К осени весь личный состав рот должен был быть готов к действиям в составе крупных отрядов: тогда все солдаты полка, состоящие на действительной службе, собирались около полкового плаца, причем жить им предписывалось в палаточном лагере. Осенние учения были дольше (они продолжались 45 дней) и предусматривали заметно более сложные задания. Отрабатывались не только ротные, но и полковые маневры, а в некоторых случаях (для этого требовался приказ императора) собирались целые бригады двухполкового состава. Во время подобных маневров казна закупала продовольствие и обувь солдатам, а так же холостые патроны (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 40-51).

Во избежание путаницы следует отметить, что термин «граничарская рота» мог означать как военную, так и административно-территориальную единицу. Полк делился на 12 территориальных рот, в каждой из которых был особый «военно-административный офицер», ответственный за финансы и внутреннее управление. Кандидаты на эту должность обычно готовились в особом военно-административном училище в Вене. Впрочем, высшая военная и гражданская власть на территории роты все равно принадлежала ротному командиру, который мог быть обычным строевым офицером. На территорию роты предполагалось иметь, кроме упоминавшегося выше ротного училища, ротную больницу со штатом из врача, фельдшера и повивальной бабки, а также двух священников, православного и католического (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 40-57).

Теоретически, число территориальных и полевых рот в пограничном полку в мирное время совпадало. Однако на практике каждую полевую роту нужно было довести до численности в 195 человек, сообразно конкретному штатному расписанию (4 офицера, 14 унтер-офицеров, 177 солдат). Поэтому полевые роты «образовывались из различных местных рот, сообразно проводимой в последних единой народной переписи». В случае мобилизации ситуация становилась еще сложнее: офицерский состав территориальной роты примерно соответствовал офицерскому составу роты полевой. Для запасных и резервных частей предполагалось иметь в каждом полку, не распределяя их по ротам, около 60 сверхштатных офицеров. Таким образом, роты военного времени комплектовались с еще меньшей привязкой к территориальным ротам, и в их составе могли быть не только солдаты, но и офицеры, проживающие вне ротной территории (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-55).

Призыв дополнительных рот вообще проводился по крайне сложной и запутанной схеме, что и породило отмеченную в прошлой части нашей статьи путаницу в оценках русскими офицерами общего числа граничар. До 1867 г. пограничные полки можно было с одинаковым основанием считать как трех-, так и четырехбатальонными. Например, Б. Каталинич, хотя и писал о трехбатальонной структуре, отметил в росписи штатов мирного времени наличие четырех батальонных командиров, и акцентировал внимание на хранившемся в штабе каждого полка списке 1 500 солдат «народного ополчения» (общего резерва), которые могли быть мобилизованы в случае необходимости (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-45), образовывая, очевидно, четвертый пограничный батальон. Однако, как совершенно логично отмечал еще Л.В. Березин, все способные держать оружие граничары считались военнообязанными, и поэтому окончательная численность пограничных полков зависела только от количества проживающих в них мужчин. По сведениям бывшего русского консула в Риеке, были случаи, когда полк выставлял даже не четыре, а шесть батальонов (Березин, 1879: 330).

Нам следует снова внести важное уточнение, чтобы избежать путаницы. Как ясно из вышеизложенного, подлежащие мобилизации граничары делились на четыре категории: проходящих службу в строевых частях; распущенных по домам, но числящиеся в запасных батальонах; включенных в списки общего резерва, хранящиеся в полковых штабах; состоящих в бессрочном отпуску. Однако малая разработанность темы в отечественной историографии привела к тому, что разные авторы использовали для этих категорий

различные наименования. Так, Ф.Ф. Торнау и Н.П. Глиноецкий называли третьи батальоны пограничных полков «запасными» (Глиноецкий, 1867: 197; РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42), а Б. Каталинич именовал их «резервными» (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-44). Тех граничар, которые были внесены в особые полковые списки Ф.Ф. Торнау предлагал считать «общим резервом» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42), а Б. Каталинич «народным ополчением» (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-44). Мы придерживаемся более распространенного в 1860 гг. варианта, считая запасными солдат частей, отпускаемых в мирное время, а резервистами мобилизуемых по специально заготовленным спискам военнообязанных. Соответственно, ополченцами будут считаться граничары, внесенные только в общий список полка, но не в специальные списки мобилизуемых в первую очередь. Данная терминология полностью соответствует работам Ф.Ф. Торнау, Н.П. Глиноецкого и М.И. Драгомирова. В случае, если мы пишем о субъективной позиции Б. Каталинич, то сначала приводим использованный в оригинале термин, а затем, в скобках, его аналог по более распространенной системе.

Итак, до 1867 г. Военная Граница могла выставить 29 строевых и 14 запасных батальонов шестиротного состава, численностью примерно 1200 человек каждый. По сведениям Б. Каталинич, при «обыкновенном призыве» мобилизовались только эти части, общим количеством около 50 000 человек (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-45). Благодаря Ф.Ф. Торнау, мы располагаем более точными данными на 1864 г. В это время на действительной службе состояло 35 175 граничар, однако из них только 29 871 человек находились в строевых подразделениях. Остальные «служили по управлению», то есть, очевидно, занимали в полках и ротах штатные должности учителей, врачей, лесных сторожей, дорожных рабочих и проч. Запасные батальоны были укомплектованы 16 618 военнослужащими (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42). Таким образом, из примерно 50 000 граничар «обыкновенного призыва» около 10 % составляли лица, занятые в полках не военной деятельностью, и представляющие собой сомнительную боевую ценность. Зато в случае особой необходимости мог быть призван «общий резерв», из расчета, как мы писали выше, 1 500 человек на полк. Ф.Ф. Торнау полностью подтверждал эту цифру, утверждая, что Военная Граница может выставить 21 000 резервистов (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42). Поскольку дополнительные батальоны могли иметь в своем составе четыре роты вместо шести (Березин, 1879: 330), число резервных батальонов, выставляемых пограничными полками, не было точно определено, и могло быть больше 14.

Таким образом, Военная Граница до 1867 г. гарантировано могла сформировать 57 батальонов общей численностью около 70 000 солдат. По имеющимся у нас сведениям, полевые части были способны выступить в поход достаточно оперативно, а вот мобилизация запасных батальонов потребовала бы определенного времени. Резервные подразделения в обычных обстоятельствах вообще предполагалось использовать не для военных действий, но для замены ушедших строевых частей, несших гарнизонную и внутреннюю службу (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 44-51). Следовательно, при обыкновенном призыве примерно 30 000 строевых граничар могли быть немедленно направлены в действующую армию, а им на замену на территории Военной Границы было бы собрано около 17 000 солдат запасных батальонов. В случае экстренной необходимости запасные батальоны так же были бы посланы на фронт, а их место заняли 21 000 призванных резервистов. Но и это не было пределом: в самом крайнем случае, вроде того, что имел место в 1848-1849 гг., даже резервисты могли быть отправлены в боевые части, а внутренняя служба была бы возложена тех граничар, что в мирное время состояли в бессрочном отпуску. По мнению Б. Каталинич, в теории Военная Граница могла бы выставить до 150 000 солдат, однако это потребовало бы «крайних усилий» (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-45).

Реформа 1867 г. резко упростила структуру граничарских полков. Согласно новым правилам их организации, в военное время каждый пограничный полк состоял из четырех батальонов четырехротного состава: к трем полевым батальонам сразу после начала мобилизации добавлялся запасный, в который разворачивались запасные части мирного времени, будь то батальоны, дивизионы или роты (Глиноецкий, 1867: 197). Таким образом, в случае войны Военная Граница могла сразу выставить все 57 батальонов, однако штатный состав каждого из них был сокращен до приблизительно 900 человек. По сведениям Ф.Ф. Торнау, мобилизация всех этих частей (напомним, с 1867 г. даже строевые

подразделения по мере возможности распускались по домам) дала бы австрийской армии около 54 000 человек (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 48). Согласно более детализированным данным Н.П. Глиноецкого, в 43 строевых пограничных батальонах служило 38 743 человека, а в 8 запасных батальонах и 11 ротах, чей состав был четко определен еще в мирное время, находилось 9 672 граничара (Глиноецкий, 1867: 203-204). Хотя возможность призыва резервистов по полковым спискам в случае войны сохранялась, в документах Ф.Ф. Торнау о ликвидации Военной Границы «общий резерв» как особая категория военнообязанных уже не фигурировал (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 48).

Понятно, что до 1867 г. пограничные полки в случае начала войны оказывались разделены на отдельные батальоны: например, при «обычном призыве» четвертые батальоны полков могли даже не мобилизовываться. По сведениям Б. Каталинича, весьма распространенной была практика присоединения отдельных батальонов граничар к линейной пехоте, вместо стрелковых (очевидно, егерских) батальонов. Впрочем, к середине 1860 гг. от подобной тактики действий стали постепенно отказываться, формируя сводные полевые полки граничар из батальонов разных территориальных полков (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 45-58). Утверждения бывшего австрийского офицера находят подтверждение в статьях русских военных писателей. Н.П. Глиноецкий сообщал, что в Италию накануне начала австро-франко-итальянской войны 1859 г. было переброшено несколько отдельных батальонов с Военной Границы, а всего в регионе на момент начала боевых действий было 4 пограничных батальона, не сведенных в полки (Глиноецкий 1859: 288). М.И. Драгомиров подтверждал, что в это время в австрийской армии батальоны легкой пехоты придавались полевым бригадам (Драгомиров, 1861: 3). При этом по сведениям позднейших авторов, сами эти бригады разворачивались из трехбатальонных линейных полков мирного времени, за счет мобилизации резервистов, образовывавших четвертые батальоны, и добавления стрелковых (пятые батальоны) и артиллерийских (одна батарея) частей (Свечин, 1928: 85-88). Таким образом, в австрийской армии 1850 гг. в пехоте в военное время в принципе не существовало полков, и после батальонного уровня управления сразу шел бригадный. Правда, Ф.Ф. Торнау писал в своих воспоминаниях, что в ходе австро-франко-итальянской войны «кroatские пограничные полки» проявили себя не лучшим образом (Торнау, 1897: 431). Однако русский военный агент в Вене, как мы отмечали в первой части своей статьи, считал малоинтересными узкоспециальные проблемы организации австрийской армии, и мог использовать обозначение «пограничные полки» как синоним понятия «граничары». В литературе XIX в. такое словупотребление вообще было весьма распространено, и, например, в русском переводе текста Ю. Виккеде об армиях стран Германского союза упоминаются «пограничная пехота» и «пограничные полки», а вот слово «граничар» не встречается (Виккеде, 1859: 677).

Вполне возможно, что именно неудачи в ходе австро-франко-итальянской войны привели к отказу от применения отдельных пограничных батальонов. По крайней мере, в Северной армии, воевавшей против Пруссии во время австро-прусской войны 1866 г., полевые бригады формировались из 2 линейных полков, к которым в качестве легкой пехоты придавали исключительно егерей. Имеющиеся три пограничных батальона были сведены в граничарский полк, образовавший бригаду совокупно с двумя отдельными резервными батальонами, без добавления каких-либо егерских частей (Драгомиров, 1867: 85). По мнению Б. Каталинича, переход к практике формирования сводных полевых пограничных полков позволял сохранить тактическую связь между частями, сложившуюся еще в мирное время (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 45-58).

Нетрудно заметить, что пограничные полки занимали в австрийской армии промежуточное положение между линейной пехотой и егерями, и это не всегда шло им на пользу. По сведениям Ю. Виккеде, в 1855 г. граничар обмундировывали и вооружали как линейную пехоту. Поэтому в пограничных полках в качестве основного оружия были сохранены гладкоствольные ружья, в то время как егеря уже получили нарезные (Виккеде, 1859: 677). В австро-франко-итальянскую войну главным козырем австрийских егерских батальонов оказалась именно меткая стрельба, в какой-то степени компенсировавшая проблемы с тактической подготовкой (Торнау, 1897: 431). Не вполне понятно, почему австрийское военное министерство, придавая пограничные батальоны линейным бригадам вместо егерских, не озаботилось предоставить им соответствующее вооружение.

Впрочем, логика в самом решении использовать пограничные полки и как легкую, и как линейную пехоту была. Чтобы понять эту логику, нужно обратиться к 1848 г., когда Военная Граница поддержала венское правительство в борьбе против венгерских и итальянских революционеров. Вообще именно в ходе этих событий наиболее ярко проявились главные достоинства организации пограничных полков. К моменту начала военных действий против Венгрии «обыкновенный призыв» граничар уже был произведен, и по два строевых батальона от каждого полка были отправлены в Италию, для действий против мятежников и сардинской армии (Прибавление, 1852: 145). В полном соответствии с утверждениями Б. Каталинича, граничарские части часто использовались там побатальонно и даже поротно, для прикрытия передвижения крупных общевойсковых подразделений и преследования противника. При этом в некоторых случаях егерские и пограничные батальоны действовали совместно: например, после сражения при Кустоцце всего два батальона, егерский и пограничный, опрокинули прикрывающую отступление сардинскую пехотную бригаду, причем егеря, ведя огонь, обошли противника с обоих флангов, а граничары атаковали его в штыки (Прибавление, 1852: 30-43).

Обострение ситуации в Венгрии потребовало мобилизации всех ресурсов Австрийской империи. На Военной Границе были поставлены в строй запасные и резервные батальоны, а также волонтеры-добровольцы. Общая численность образовавшейся в результате армии бана Й. Еличича составила около 50 000 человек, и первый месяц военных действий войска бана действовали вполне самостоятельно, прорываясь к Вене (Прибавление, 1852: 145-146). Таким образом, пограничные полки при необходимости могли не только помогать регулярным частям в качестве легкой пехоты, но и составить собой небольшую армию, способную к самостоятельным действиям без добавления к ним крупных контингентов регулярных частей, что было подтверждено практикой. При подобных самостоятельных действиях возможность использовать граничар как линейную пехоту оказывалась абсолютно необходимой. Более того, по сведениям Б. Каталинича, Й. Елачич создал полноценную пограничную артиллерию, сформировав при каждом пограничном полку батарею в 8 орудий (правда, после смерти бана, последовавшей в 1859 г., эти части были расформированы). Бывший австрийский офицер неоднократно подчеркивал, что при добавлении к полкам, выставяемым Военной Границей, соответствующего кавалерийского контингента получится уже абсолютно полноценная армия (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 45-67).

Мы бы хотели также обратить внимание, что события 1848 г. четко показали: пограничные полки представляли собой тогда не столько военные, сколько территориальные единицы, поскольку первые и вторые батальоны каждого полка воевали в Италии, а третьи и четвертые – в Венгрии. Несмотря на это, в мирное время пограничные полки объединялись в бригады, по два полка в каждой. Б. Каталинич пишет о 7 бригадах на территории Военной Границы: оточацкой (1 и 2 полки), карловацкой (3 и 4 полки), беловарской (5 и 6 полки), петринской (10 и 11 полки), винковецкой (7 и 8 полки), землинской (9 и 17 полки, отдельный батальон) и белоцерковской (18 и 19 полки) (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-44). До 1867 г. побригадно батальоны, судя по всему, объединялись только во время описанных выше осенних маневров, а сами бригады до 1867 г. в еще большей степени, чем полки, были административно-территориальными, а не военными объединениями. Поэтому нет ничего удивительного, что у них даже не было единообразных названий: Б. Каталинич именует бригады по дислокации их штабов, однако это было не единственным вариантом. Л.В. Березин, полностью подтверждая указанную бывшим австрийским офицером географию бригад, приводит совершенно иные названия для хорватско-славонской Военной Границы (банатско-сербский участок он не рассматривал). Русский консул в Риеке называл бригады по входящим в их состав полкам: соответственно, оточацкая бригада стала у него оточацко-личской, карловацкая слуинско-огулинской, беловарская крижевско-святогеоргиевской, петринская банской, а винковецкая градишко-бродской (Березин, 1879: 332). В отличие от полков, имевших не только названия, но и номера, бригадам номера не присваивались.

До 1867 г. следующий уровень территориальной администрации представляли собой главные управления в Загребе и Петервардейне (из-за не разработанности темы в отечественной историографии мы опять сталкиваемся с существованием альтернативных названий: А.М. Дронов именует главные управления «генералатами» (Дронов, 2016: 44-45).

Первому из них была подчинена хорватско-славонская военная граница (1-8 и 10-11 пограничные полки), а второму – банатско-сербская военная граница (9 и 17-19 полки, отдельный батальон) (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 39-44). Нумерация полков, подчиняющихся загребскому управлению, подтверждается так же Л.В. Березиным (Березин, 1879: 332). Разделение Военной Границы на две части имело скорее политическую, чем военную или историческую подоплеку. Так, сам Петервардейн исторически входил в состав Славонской военной границы, с территории которой выставлялись 7 (Бродский), 8 (Градишский) и 9 (Петервардайнский) пограничные полки (Березин, 1879: 332; Godra, 1872: 133-135). Нетрудно заметить, что, вопреки названию, часть исторической Славонской военной границы вошла не в хорватско-славонский, но в банатско-сербский участок Военной Границы. С военной точки зрения, как мы показали выше, даже бригады граничар крайне редко использовались для совместных действий, причем это происходило исключительно на маневрах. Фактически, хорватско-славонскую часть Военной Границы составили те ее земли, на которые претендовало Хорватское королевство, а в банатско-сербскую часть были включены остальные территории. Еще с конца 1840 гг. некоторые хорватские законы начали распространяться на хорватско-славонскую военную границу (Дронов, 2016: 49-50), в то время как банато-сербские земли меньше завесили от Загреба. Логическим итогом этого разделения стало то, что после ликвидации Военной Границы ее хорватско-славонский участок вошел в состав Хорватского королевства, а банатско-сербский был подчинен напрямую Венгрии (Дронов, 2016: 44-52).

В современной литературе указывается, что Военная Граница подчинялась непосредственно имперскому военному министерству (Дронов, 2016: 44), однако работы современников рисуют заметно более сложную картину. Мы неоднократно упоминали Й. Елачича, знаковую фигуру хорватской истории и одного из крупнейших граничарских полководцев. В 1848 г. полковник Й. Елачич, командир "банских полков" (очевидно петринской/банской пограничной бригады) был провозглашен баном на народной скупщине. Его отношения с венским правительством носили достаточно сложный характер: хотя первоначально император Фердинанд утвердил нового бана, антивенгерски настроенного и безусловно преданного Габсбургам, в дальнейшем, пытаясь найти компромисс с восставшей Венгрией, он не только официально объявил о отстранении Й. Елачича с должности, но и лишил его воинских чинов. Однако власть граничарского полковника над Хорватией опиралась не на императорские рескрипты, а на волю народа: созванный по инициативе скупщины сабор, являвшийся, по сути, полноценным парламентом, поддержал Й. Елачича и даровал ему диктаторские полномочия. Хорватский бан отказался покидать свой пост, а поскольку переговоры венского правительства с будапештскими мятежниками провалились, вскоре он был прощен за невыполнение монаршей воли, произведен в фельдмаршал-лейтенанты (австрийский военный чин, эквивалентный генерал-лейтенанту) и назначен командующим хорватско-славонским участком Военной Границы (Фрейдзон, 2001: 113-117).

Таким образом, Й. Елачич сосредоточил в своих руках всю власть, военную и гражданскую, как над Хорватским королевством, так и над большей частью Военной Границы, причем эта власть была первоначально дарована ему не императором, а народным собранием. Новые организационные формы управления Военной Границей, сложившиеся в подобных условиях, из российских авторов привлекли внимание только Л.В. Березина. Русский консул писал, что в ходе революции 1848 г. из всех подконтрольных Й. Елачичу войск была сформирована 4 армия, так же именованная «Южнославянской армией». В ее состав вошли полки хорватско-славонской военной границы (за исключением строевых батальонов, находящихся в Италии) и расквартированные в Хорватии регулярные части (Березин, 1879: 336-337).

Полное объединение военной и гражданской администраций в Хорватии, случайно сложившееся в ходе революции 1848 г., оказалось весьма удобным, поскольку земли граничар и гражданские территории Хорватского королевства образовывали чересполосицу. Поэтому, хотя формально принятый в 1850 г. новый закон о Военной Границе напрямую подчинял ее военному министерству (Дронов, 2016: 44), командующим пограничными полками был оставлен Й. Елачич, сохранивший и должность хорватского бана. В подобных условиях не было необходимости в создании двух отдельных органов управления для

Военной Границы и расквартированных в регионе регулярных частей. И на практике действие нового закона ограничилось переименованием командования 4 армии в командование военным округом, с сохранением прежнего круга обязанностей (Березин, 1879: 337).

Таким образом, прямое подчинение Военной Границы военному министерству существовало только на бумаге, а на практике она входила в состав объединяющего всю территорию Хорватии военного округа, командование которым большую часть 1860 гг. осуществлял хорватский бан, обычно назначавшийся из граничарских генералов: например, в 1860-1867 гг. должности бана и командующего загорским военным округом одновременно занимал генерал Й. Шокчевич (Österreichisches, 2005: 398). Как правитель гражданской Хорватии он был подотчетен Придворной канцелярии в Вене (Фрейдзон, 2001: 151), а как главнокомандующий Военной Границей – особому отделению военного министерства, занимающемуся исключительно пограничными полками (Березин, 1879: 337). По сведениям Н.П. Глиноецкого, это отделение не имело собственного названия и носило десятый номер (Глиноецкий, 1869а: 202). При этом некоторые из хорватских банов (в первую очередь, разумеется, Й. Елачич) были достаточно значимыми самостоятельными политическими фигурами, и их роль далеко не сводилась к простому выполнению указов из имперского правительства. Например, Й. Шокчевич, сам уроженец Военной границы (Österreichisches, 2005: 398), пытался противостоять германизации, отстаивая права хорватского языка (Фрейдзон, 2001: 140).

Подобная система администрации была упразднена только в 1867 г., в условиях наметившегося австро-венгерского компромисса. Как мы неоднократно писали в предыдущих частях своей статьи, отношения Венгрии и Хорватии в составе империи Габсбургов были очень сложными. Мы не будем углубляться в предысторию этих отношений: вполне достаточно и того, что объединение должностей бана и главнокомандующего пограничными полками произошло во время подавления венгерского восстания, и уже поэтому не вызывало симпатий у венгерских политиков. Кроме того, с развитием конституционализма практика назначения банами профессиональных военных выглядела все более странной. И в 1867 г. новым баном Хорватии был назначен местный общественный деятель, барон Л. Раух, а командующим загорским военным округом – независимый от него генерал Габленц (Фрейдзон, 2001: 149). В 1868 г. вообще было официально зафиксировано, что бан «не может иметь никакой военной власти» (Энциклопедический словарь, 1891: 15). Только с этого времени загорский военный округ получил реальную независимость от местных гражданских властей. В военном отношении командующему округом по-прежнему была подчинена как Военная Граница, так и гражданская Хорватия, а вот административную власть он сохранил только над территорией пограничных полков. Интересно отметить, что на большей части хорватско-славонского участка Военной Границы подобная система пережила демилитаризацию граничар, и просуществовала все 1870 гг. (Березин, 1879: 339).

Наше описание административной организации Военной Границы будет не полным, если мы не упомянем попытку сформировать пограничные дивизии, предпринятую в 1867 г. Как мы писали выше, в это время была кардинальным образом пересмотрена структура граничарских полков. Они были преобразованы в полноценные боевые части, все батальоны которых подлежали одновременной мобилизации и могли использоваться совокупно, а не придаваться регулярным бригадам или образовывать сводные полки. Не останавливаясь на этом, австрийское военное министерство попыталось превратить пограничные бригады из чисто административных объединений в военные, и даже свести их в полноценные дивизии, организационно близкие дивизиям регулярной армии. Граничарские дивизии получили номера с 21 по 23, причем 22 дивизия, со штабом в Карловацах, состояла из 3 двухполковых бригад, а 21 дивизия (штаб в Загребе) и 23 дивизия (штаб в Тимишоаре) включали в себя только 2 двухполковые бригады. В очередной раз граничары использовались как своеобразные универсальные солдаты, способные выполнять обязанности как легкой, так и линейной пехоты: если дивизии регулярной армии включали в себя как линейные полки, так и стрелковые (егерские) батальоны, то пограничные дивизии комплектовались исключительно из граничар (Глиноецкий, 1867: 200).

Реформа 1867 г., на наш взгляд, была явным шагом к уравниванию организационных принципов Военной Границы и регулярной армии: была упразднена крайне запутанная схема мобилизации пограничных полков, крупнейшим реальным полевым объединением граничар, связи внутри которого отрабатывались в мирное время, стала дивизия, а полковые штабы были четко отделены от полковых окружных управлений, хотя и те и те оставались в подчинении у полковников (Глиноецкий, 1867: 203-204). Подобные преобразования подготавливали почву и к включению пограничных полков в состав регулярной армии и к распространению обычной гражданской администрации на территорию Военной Границы.

С военной организацией граничар теснейшим образом переплеталась их уникальная система финансирования. Л.В. Березин, существенно упрощая ее, писал, что пока пограничные батальоны находились на территории Военной Границы, их солдаты получали от казны только сапоги. При этом в свободное от учений и гарнизонной службы время они содержали свои хозяйства, с которых выплачивался особый поземельный налог, заменяющий обычные подати. Только в случае выхода пограничного батальона за пределы региона его солдаты начинали получать от казны полноценное финансирование, близкое к регулярным частям (Березин, 1879: 334).

На самом деле, разумеется, содержание пограничных полков не ограничивалось покупкой им обуви. Как мы писали выше, во время ежегодных маневров из государственной казны оплачивалось продовольствие и холостые патроны. Но гораздо более существенную статью расходов составляло финансирование различных гражданских институций: тех больниц, школ, местных администраций, которые организационно являлись частью пограничных полков и рот. По приведенной Ф.Ф. Торнау оценке, только «административные потребности» Военной Границы в случае ее демилитаризации составили бы около 6 000 000 гульденов (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43об). Между тем средний общий расход на Военную Границу в 1860 г., как мы писали в предыдущих частях своей статьи, ограничивался 4 500 000 гульденов. На эти деньги требовалось не только поддерживать боеспособность граничар, но и содержать все гражданские государственные учреждения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что потребности жителей пограничных полков, не связанные с военной службой, зачастую финансировались по остаточному принципу. Наиболее четко это видно на примере образования граничар, характеристике которого уделили существенное внимание в своих работах Б. Каталинич и Л.В. Березин. В начале этой части нашей статьи мы отметили, что бывший австрийский офицер хорошо отзывался о ротных и полковых школах, которые ежегодно готовили кадет и унтер-офицеров в пограничные полки. Русский консул, напротив, уделил основное внимание гражданским учебным заведениям. По его свидетельству, большую их часть с 1836 г. составляли общинные школы, первоначально не получавшие финансовой поддержки от государства, и существовавшие за счет пожертвований самих граничар. В дальнейшем ситуация с финансированием несколько улучшилась, однако это коснулось в первую очередь военных, полковых и ротных школ, курс которых благодаря этому был расширен на дополнительный год обучения (Березин, 1879: 341). В гражданском же образовании ситуация оставалась катастрофической: к началу процесса демилитаризации Военной Границы большинство низших школ все еще де-факто финансировалось за счет общин, жертвующих 10 % поземельной подати на их содержание. Этих денег не хватало ни на поддержание классов в хорошем состоянии, ни на достойные зарплаты учителям. Как следствие, учительские вакансии часто были не заняты вовсе, а к учителям предъявлялись минимальнейшие требования, порой ограниченные умением читать и писать. При этом отсутствовала как учебная программа, так и реальный контроль за школами, что превращало обучение в некоторых из них в пустую трату времени (Березин, 1879: 344-345).

Не меньше критики вызывала система полного объединения военных и гражданских администраций. По всему тексту Б. Каталинича разбросаны жалобы на несовершенство такой системы: ротные и полковые командиры выполняли обязанности правителей административных округов, экономя для государственной казны их жалование, однако результаты их деятельности были самые неудовлетворительные. Солдаты пограничных полков оказывались в полной зависимости от своих офицеров, каждый из которых управлял

1-2 деревнями. Контроль сверху почти отсутствовал, что способствовало развитию взяточничества. Само управление было крайне жестким, военным в прямом смысле этого слова, и одним из распространеннейших наказаний являлся арест (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77). В работе Л.В. Березина подробно описаны и другие прелести полковых и ротных администраций. Отсутствие военных аудиторов славянского происхождения вынуждало назначать на эти должности немцев, не знавших ни хорватского, ни сербского языков. Как следствие, большая часть судебных дел велась через посредство зависимых от местной администрации переводчиков, нередко искажающих показания свидетелей, истцов и ответчиков в угоду офицерам. На местных жителей была распространена круговая порука, и за не раскрытое преступление платили штраф жители всей деревни, в которой оно было совершено. Наконец, «неблагонадежные» граничары могли быть переселены по решению начальства, для облегчения контроля над ними (Березин, 1879: 333-334). Фактически, и в мирной жизни солдаты пограничных полков были подчинены железной дисциплине и не имели возможности отстаивать свои права. Таким образом, экономия государственной казны на расходах по содержанию Военной Границы осуществлялась за счет сведения к минимуму потребностей рядовых граничар, которые оказывались в куда худших условиях, чем жители гражданской Хорватии. Эффективность подобного решения была весьма сомнительной: денежные средства все равно расходовались, хотя и в меньшем объеме, а качественной системы гражданской администрации, больниц и школ в пограничных полках создано не было.

Впрочем, положение офицеров-граничар также было незавидным. Б. Каталинич писал, что большую часть расходов на Военную Границу составляло как раз их жалование. Однако проблему создавали неоднократно упоминавшиеся нами сверхштатные офицеры, которыми предполагалось укомплектовывать запасные и резервные батальоны в случае их мобилизации. В обычное время никаких существенных обязанностей они не исполняли, но, разумеется, нуждались в денежных средствах. Предполагалось платить им некие пособия из финансовых источников самой Военной Границы (то есть поземельных сборов с граничар, до передачи их в государственное казначейство). На практике этих денег не хватало, а хорошо организованная система военных школ каждый год выпускала новых выпускников. В итоге некоторые граничары переводились юнкерами в регулярную армию, рассчитывая сделать карьеру там, но на Военной Границе все равно оставался избыток почти не имеющих средств к существованию офицеров (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 41-69). Нетрудно дополнить эти рассуждения Б. Каталинича нехитрыми расчетами. Раз в каждом из пограничных полков было 60 сверхштатных офицеров, их общее число на Военной Границе составляло около 840 человек. Для сравнения, после реформы 1867 г. в линейном полку австрийской армии (шестибатальонного состава, общей численностью около 6 000 человек) служило 138 офицеров (Глиноецкий, 1867: 202). Таким образом, сверхштатных пограничных офицеров, в мирное время не выполняющих никаких значимых функций, но получающих содержание от казны, хватило бы на укомплектование 6 линейных полков. Экономия снова выходила очень неоднозначной: поводы для недовольства имели как не получающие полного жалования граничары, так и австрийское правительство, вынужденное содержать из-за несовершенства организации службы почти 1 000 дополнительных офицеров. Неудивительно, что в ходе реформ 1867 г., при переходе к максимально экономному режиму существования Военной Границы, австрийское правительство начало политику массового увольнения офицеров-граничар. Всего в отставку было отправлено 370 человек (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 55-73). Очевидно, венские власти осознали порочность содержания бесполезных в мирное время сверхштатных офицеров на государственном жаловании, и попытались ограничить численность офицерского корпуса Военной Границы количеством людей, необходимым для полной комплектации всех полков по новой, четырехбатальонной системе. Мы не знаем, что было сделано с оставшимися за штатом офицерами в 1867 г., но в дальнейшем им предлагалось переводиться в регулярные части (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 470б.).

Таким образом, в мирное время рядовой состав пограничных полков почти не получал содержания, кроме скромных ассигнований на обувь и проведение маневров. Основную часть расходов на Военную Границу составляли траты на полковые и ротные государственные учреждения (в том числе администрации, больницы, школы), а так же

жалование офицерам, исполнявшим и обязанности гражданских чиновников. Поэтому большую часть финансирования пограничных полков следует считать административными, а не военными расходами, и можно даже согласиться с упрощением Л.В. Березина, писавшего, что граничары получают от казны только сапоги, если дополнить данное утверждением тем, что речь идет исключительно о военных расходах в мирное время вне маневров. Однако этим уникальность системы финансирования Военной Границы не ограничивалась.

Как явствует из доклада Ф.Ф. Торнау, рассмотренного в первой части нашей статьи, Военную Границу предполагалось содержать за счет налогов с ее же населения. Л.В. Березин достаточно подробно описал систему налогообложения в пограничных полках, принципиально отличную от принятой в прочих провинциях Австрийской империи. Прежде всего, налоговые поступления, собранные на территории Военной Границы, отчислялись не в министерство финансов, но непосредственно в военное министерство. Основным налогом был поземельный, рассчитываемый крайне архаично: во внимание принимались только размеры граничарских участков, без учета качества земли. В 1864 г. была предпринята попытка разделить земельные угодья в соответствии с их доходностью на три категории, введя для каждой особую сумму налога. Однако занимавшаяся этим комиссия не справилась с работой, и прежний порядок был сохранен в полной мере (Березин, 1879: 347). В его основе лежал еще «Основной закон о Границе» от 1807 г., подробно описанный В.И. Фрейдзоном (Фрейдзон, 2001: 95-96). Поземельный налог давал 1 791 427 гульденов, но создавал серьезные проблемы для некоторых граничарских хозяйств, оказывавшихся «непомерно обремененными» им (Березин, 1879: 348-349) (очевидно, владельцы больших, но не плодородных участков платили непропорционально больше тех счастливых, которым достались качественные наделы). По сведениям Ф.Ф. Торнау, общая сумма сборов с Военной Границы простиралась до 4 918 000 гульденов, и вполне покрывала содержание пограничных полков. Однако, по мнению некоторых представителей австрийского генералитета, при распространении на граничар обычной системы налогообложения выплаты с них возросли бы до 12 000 000 гульденов (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43). Б. Каталинич, как и в ряде других случаев, приводит цифры, расходящиеся с другими авторами: он писал о общем расходе на граничар в 5 550 440 гульденов, из которых 1 038 000 гульденов субсидировались из государственной казны, а остальное финансирование обеспечивали сборы с местных жителей. Бывший австрийский офицер был крайне недоволен данной системой: он считал несправедливой двойную повинность пограничных полков, военную и налоговую. Б. Каталинич утверждал, что депутаты от Военной границы на хорватском саборе 1861 г. выступали с аналогичных позиций (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 43-75). Как мы видим, к 1860 г. система налогообложения пограничных полков не удовлетворяла как Вену, так и самих граничар, однако попытка реформы 1864 г. полностью провалилась.

Безусловно, реконструированная нами на основании российских источников картина организации Военной Границы в 1860 гг. не претендует на исчерпывающий характер, а в каких-то деталях может быть неточна. Однако из нее ясно видно: в предшествующее десятилетие проблемы пограничных полков не привлекали должного внимания правительства, и в бурный для Австрийской империи период 1859-1867 гг. граничары вошли совершенно не подготовленными. У австрийского генералитета отсутствовало четкое представление о оптимальной тактике использования пограничных полков, сами граничары не проходили подготовки к действиям в составе крупных общевойсковых соединений, а произвол и некомпетентность части властей, жестко контролирующих все сферы жизни, вызывали возмущение местных жителей «военным игом», что не могло не сказываться на боевом духе частей с Военной Границы. Наконец, крайне нерациональная система налогообложения одновременно не давала государственной казне максимальной прибыли и вызывала обнищание отдельных хозяйств. Однако это отнюдь не означает, что боевой потенциал пограничных полков к 1860 гг. был исчерпан. Мы позволим себе снова провести аналогию с российским казачеством. После Крымской войны падение боеспособности донских казаков стало очевидным. Однако местные власти, получив в 1863 г. еще и крайне негативные отзывы об участии донских полков в подавлении Польского восстания, занялись разработкой программы военной подготовки в станицах

(И.К., 1865: 73-89). И в 1871 г. посетивший Новочеркасск Д.А. Милютин уже самым комплементарным образом отзывался о проверенных им казачьих частях, особенно подчеркивая значение преобразований последних лет (Volvenko, 2016: 406). Возможно, разумные военные реформы могли бы вернуть былую славу и граничарам, но с их проведением австрийское военное министерство опоздало. Радикальные изменения организации пограничных полков состоялись только в 1867 г., непосредственно перед резким сокращением ассигнований на Военную Границу, и после завершения тех войн, в которых граничары не лучшим образом проявили себя. Поэтому вопрос о том, была ли в принципе возможна эффективная модернизация Военной Границы с сохранением ее военной направленности, кажется нам дискуссионным и допускающим существование различных точек зрения.

Далеко неоднозначной была и позиция самих граничар по отношению к возможной демилитаризации. В.И. Фрейдзон, очевидно, несколько упрощает картину, утверждая, что жители Военной Границы выступали за присоединение к Хорватскому королевству (Фрейдзон, 2001: 144-145). По сведениям А.М. Дронова, часть местного сербского населения предпочла бы такому развитию событий втягивание пограничных полков в гражданскую административную систему империи Габсбургов напрямую, с созданием полноценного граничарского сабора (Дронов, 2015). Весьма любопытно было бы проанализировать мнение Б. Каталинича по данному вопросу, однако этому препятствует достаточно сумбурный стиль работ граничара и содержащиеся в них противоречия. У нас сложилось мнение, что бывший австрийский офицер колебался, оценивая перспективы демилитаризации Военной Границы. В тексте записки «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии» постоянно встречаются жалобы на тяжесть текущего положения граничар и отсылки к сабору 1861 г., большинство членов которого выступило за присоединение пограничных полков к Хорватии. Однако одновременно Б. Каталинич утверждал, что попытка демилитаризации Военной Границы приведет к восстаниям, поскольку местное население боится любых реформ. Более того, бывший австрийский офицер называл пограничные полки то «грозным оружием», то «отжившим институтом» (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77). Но в своих позднейших работах граничар солидаризировался с мнением неких хорватских политиков, якобы выступивших против демилитаризации Военной Границы, поскольку она могла стать очевидным источником сил для антигабсбургского восстания (РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-25). Нам кажется (хотя доказать это свое утверждение мы не можем), что Б. Каталинич видел оптимальный выход из сложившейся ситуации в увеличении финансирования пограничных полков, и постепенном превращении их солдат и офицеров в полноценных военнослужащих регулярной армии. Во всяком случае, он перевел в рубли только сумму содержания Военной Границы в военное время, очевидно, рассчитывая получить для пограничных полков такое финансирование, предусматривавшее закупку солдатам еды и снаряжения за государственный счет, а в его записке «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии», как мы писали выше, постоянно упоминается о большом количестве пограничных офицеров-профессионалов, вынужденных из-за низких окладов на сверхштатных должностях переходить в регулярную армию, что можно считать определенным намеком. Поскольку Б. Каталинич так же неоднократно писал о недопустимости «двойной повинности», военной и налоговой, очевидно, он рассчитывал, что при этом хозяйства граничар будут освобождены от обычных сборов.

Даже если мы не правильно интерпретировали не слишком ясные утверждения Б. Каталинича, бесспорным фактом является то, что к мирной жизни граничары в основной своей массе были откровенно плохо адаптированы. Как мы упоминали выше, об их повседневном быте из русскоязычных авторов писал только Л.В. Березин, зато его труд содержит весьма яркую и развернутую характеристику хозяев-граничар, которую мы позволим себе процитировать. «Всеобщая воинская повинность в самых широких размерах, продолжительный срок в военной службе и т.п., все это было причиной, почему граничар неохотно брался за плуг, предоставляя женскому полу полевые и вообще все сельскохозяйственные работы. Поэтому мы видим, что в Военной Границе главные отрасли сельского хозяйства, как-то: земледелие и скотоводство, находились и находятся по настоящее время, почти исключительно в руках женщин, которые являются главной рабочей силой в крае. <...> Недосток рабочих сил – неизбежное следствие того, что

в Военной Границе, как мы выше заметили, все сельскохозяйственные работы лежат почти исключительно на женщинах: вследствие недостатка рабочих рук многие земли остаются невозделанными» (Березин, 1879: 348-349). Далее Л.В. Березин отмечал склонность граничар к пьянству и незнание ими современных аграрных методик (Березин, 1879: 349). Ничего удивительно, что в подобных условиях все виды сельскохозяйственной деятельности на Военной Границе не отличались эффективностью. Граничары были неспособны даже сами прокормить себя, несмотря на плодородие почв: земледелие велось крайне небрежно, без удобрений и кропотливой работы, хозяева, при недостатке зимних кормов в регионе, гнались за количеством голов скота, из-за чего холода часто сопровождалась массовыми падежами. В результате продукты в пограничные полки завозились не только из сопредельных провинций Австрийской империи, но и даже из России (Березин, 1879: 350-353).

Между тем сторонники демилитаризации Военной Границы рассчитывали на резкий рост сборов с нее после перевода граничар в гражданское состояние. Налоговый пресс на жителей пограничных полков должен был неизбежно возрасти. Этого-то и боялись граничары: начало 1870 гг. на Военной Границе ознаменовалось отнюдь не радостью из-за уже официально взятого курса на демилитаризацию, но тревогой из-за грядущего роста налогов и перехода под власть венгерского правительства (Фрейдзон, 2001: 151-152). Судя по тексту Ф.Ф. Торнау, австрийские власти надеялись, что Военная Граница после демилитаризации постепенно станет обычным гражданским регионом (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-44). Но едва ли сами граничары, считающие большую часть хозяйственных работ женским уделом, были хорошо подготовлены к превращению в мирных обывателей. На наш взгляд, они скорее хотели избавиться от «военного ига», сохранив отдельные элементы исторически сложившейся организации Военной Границы, обрести права нормальных граждан Австрийской империи, подчиненных гражданскому правительству, а не военным властям, не потеряв при этом свои немногочисленные привилегии. И работа Б. Каталинича примечательна в этом плане именно своей двойственностью: ее автор неоднократно признавал, что организация Военной Границы устарела и стала нетерпимой в современном обществе, но при этом постоянно акцентировал внимание на проблемах, которые никак не были бы решены простой демилитаризацией, жалуясь, например, на сложное положение крайне многочисленных сверхштатных офицеров.

Но события продолжали развиваться своим путем, и в 1869 г. первые сведения о планирующейся демилитаризации Военной Границы появились в российской военной прессе. К этому времени пограничные полки окончательно были разделены на две части. 1 февраля 1869 г. в Австро-Венгрии было создано 8 новых военных округов, в дополнение к 9 существующим. При загребском военном округе была оставлена только хорватско-славонская военная граница (21 и 22 пехотные дивизии), а на основе банато-сербской военной границы был создан новый военный округ со штабом в Петервардейне (23 дивизия) (Глиноецкий, 1869а: 203-204). Таким образом, дробление власти загребского командующего продолжалось: теперь из под его контроля вышла не только гражданская Хорватия, но и сербские пограничные полки. А в августе того же года было официально объявлено о грядущем упразднении подчиненных ему «варадинских» полков (Глиноецкий, 1869б: 99) (судя по работе Л.В. Березина, речь шла о беловарской бригаде (Березин, 1879: 330-337).

Н.П. Глиноецкий сообщил об этом на страницах «Военного сборника» уже через месяц. Русский офицер утверждал, что ликвидации пограничных полков к этому времени требовали не только сами граничары и поддерживающие их хорватские политики, но и депутаты австрийского и венгерского парламентов. Более того, при военном министерстве была создана особая комиссия, разработавшая ряд проектов по переводу граничар в гражданское состояние. Эти проекты предусматривали коренную реформу администрации Военной Границы, преобразование системы землепользования на ее территории, расширение прав граничар, а так же полную перестройку принципов отбывания ими военной службы (Глиноецкий, 1869б: 99).

Но воплощению этих замыслов в жизнь мешала высокая политика. О борьбе загребского и будапештского правительств в 1870 гг. за контроль над территорией пограничных полков достаточно подробно писали Л.В. Березин и В.И. Фрейдзон (Березин, 1879: 339; Фрейдзон, 2001: 190). Но Н.П. Глиноецкий акцентировал внимание на не

привлекшем внимание позднейших историков факте: по его сведениям, в 1869 г. началу реформ препятствовало желание австрийского правительства присоединить Военную Границу непосредственно к Австрии, а не к Венгрии или к Хорватии. Иностраный обозреватель «Военного сборника» сообщал, что подготовленные комиссией при военном министерстве проекты были переданы на рассмотрение администрации Военной Границы, а затем их должны были одобрить как венгерский сейм, так и австрийский рейхсрат (Глиноецкий, 1869b: 99). Если статья Н.П. Глиноецкого соответствует действительности, то на первом этапе демилитаризации Военной Границы пограничные полки оказались сразу в тройном подчинении, что не нашло отражения в отечественной историографии: граничарами пытались управлять одновременно военное министерство (одно из немногочисленных общеимперских учреждений Австро-Венгрии, подчиненное не одному из двух премьеров, а императору), австрийское и венгерское правительства. Н.П. Глиноецкий предсказывал, что подобная ситуация не сможет продлиться долго, и неизбежно вызовет борьбу двух правительств за контроль над территорией пограничных полков (Глиноецкий, 1869b: 100).

Любопытно отметить, что о грядущем преобразовании Военной Границы Н.П. Глиноецкий писал не в той части своей статьи, которая была посвящена военным реформам и состоянию австро-венгерской армии, но в предваряющем ее разделе о политической ситуации в габсбургской монархии. Таким образом, русский офицер рассматривал ликвидацию пограничных полков исключительно в политическом, а не в военном аспекте. Вероятно, одной из причин этого был недостаток фактического материала: Н.П. Глиноецкий признавал, что не читал ни самих проектов о будущем устройстве Военной Границы, ни хотя бы «подробных извлечений» из них. Он только предсказывал, что, вероятно, общая суть всех проектов сводится к ликвидации «исключительного положения» пограничных полков, введению в них нормальной гражданской администрации и распространению на их территорию общеимперских законов (Глиноецкий, 1869b: 99).

Некоторые прогнозы иностранного обозревателя «Военного сборника» действительно сбылись. Процесс согласования новых законоположений для Военной Границы затянулся до 1871 г., когда фактически началось расформирование беловарской бригады. К этому времени австрийское правительство отказалось от претензий на территорию пограничных полков, и в манифесте императора Франца-Иосифа от 8 июня 1871 г. четко формулировалось, что хорватско-славонский участок Военной Границы будет в дальнейшем присоединен к Хорватскому королевству, а банато-сербский – непосредственно к Венгрии (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 470б.). Ф.Ф. Торнау, верно следовавший своему принципу сообщать в Санкт-Петербург о всех значительных изменениях в организации австро-венгерской армии, уже через две недели, 22 июня 1871 г. отправил в Санкт-Петербург донесение, в котором подробно описывал предстоящую реформу (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 47-48).

Данный документ интересен в первую очередь тем, что в нем охарактеризовано «переходное положение», на которое с 1871 г. были переведены сохранившиеся пограничные полки. Другие российские авторы не писали о нем: например, Л.В. Березин ограничился констатацией того факта, что хорватско-славонская Военная Граница и после 1871 г. осталась в подчинении загребского военного округа (Березин, 1879: 339), а В.И. Фрейдзон вообще не затрагивал военное устройство граничар в 1871-1881 гг. в своей «Истории Хорватии». Между тем новая система организации пограничных полков была весьма любопытна. На граничар была распространена всеобщая воинская повинность, однако срок действительной службы был увеличен до 10 лет (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 48) (в регулярной армии он ограничивался 6 годами (Глиноецкий, 1867: 204)). Но действительная служба в пограничных полках на самом деле была ближе к пребыванию в регулярном резерве: в мирное время граничары распускались по домам, за исключением времени учений. Мобилизации Военная Граница подлежала только в случае войны, причем в этом случае она обязана была выставить 12 оставшихся пограничных полков и батальон по прежним штатам (даже номера и названия частей были сохранены) (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 48).

Немедленной демилитаризации в 1871 г. подлежала исключительно беловарская бригада (5 и 6 пограничные полки). Донесение Ф.Ф. Торнау снова является ценнейшим

источником, характеризующим технические детали данной реформы. Государственное имущество, прежде находившееся в ведении полкового командира, было разделено на три части: постройки и заведения военного назначения остались под контролем военного ведомства, казенные леса были переданы венгерскому министерству финансов, и только то, что не попало под эти изъятия, предстояло отдать под контроль местной гражданской администрации (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 47). Кстати, уровень этой администрации различные источники характеризуют по-разному: в русской периодической печати сообщалось, что территории упраздненных пограничных полков образуют округ в составе Варадзинского комитата (Глиноецкий, 1871: 74), однако Ф.Ф. Торнау в своем донесении утверждал, что из них предполагалось образовать самостоятельный комитат (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 47). В любом случае, на жителей бывших 5 и 6 пограничных полков была в полной мере распространена всеобщая воинская повинность, и из них предполагалось формировать безномерной варадзинский пехотный полк пятибатальонного состава. Оставшиеся за штатом офицеры и военные чиновники должны были выйти в отставку или перевестись в регулярную армию (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 47).

Вскоре на произошедшие события отреагировал и Н.П. Глиноецкий. В июльском номере «Военного сборника» он упомянул о расформировании двух пограничных полков, однако ни создании вместо них варадзинского пехотного полка, ни о переходе Военной Границы на новое положение русский офицер не сообщал (Глиноецкий, 1871: 74). Остается снова констатировать, что публикации 1860-1870 гг. о границарах носили самый общий характер, и не отличались точностью. Н.П. Глиноецкий продолжал рассматривать демилитаризацию пограничных полков как преимущественно политический процесс: если прежде, как мы писали в предыдущей части нашей статьи, после каждой значимой реформы русский офицер скрупулезно отмечал изменения штата граничарских частей, то с 1869 г. из его статей об австро-венгерской армии почти исчезает какая-либо конкретика о военной организации граничар. И в данном случае он уделил основное внимание гражданскому управлению на демилитаризуемых территориях. По данному вопросу Н.П. Глиноецкий привел весьма любопытные факты, во многом дополняющие доклад Ф.Ф. Торнау: по его сведениям, оставшиеся за штатом офицеры и военные чиновники упраздняемых пограничных полков имели право на зачисление не только в регулярную армию, но и в местную гражданскую администрацию, которая в течение еще трех лет по вопросам образования и медицины должна была согласовывать свои действия с военным министерством (видимо, потому, что исторически на Военной Границе эти области гражданского управления были полностью подконтрольны военной администрации) (Глиноецкий, 1871: 74-75).

Несмотря на подобную оперативность, серьезного внимания российских офицеров начало демилитаризации Военной Границы не привлекло. Ф.Ф. Торнау ограничился весьма лаконичным донесением, а Н.П. Глиноецкий еще более кратким разделом в статье, посвященной устройству австрийской армии в целом. Русские офицеры несколько разошлись в оценке предстоящей реформы. В отличие от Н.П. Глиноецкого российский военный агент в Вене обращал основное внимание на чисто военную сторону грядущих преобразований: вместо 54 000 солдат, гарантированно выставляемых Военной Границей по прежней системе службы, австрийское правительство рассчитывало получить 45 000 граничар в 12 оставшихся пограничных полках, 4 800 солдат варадзинского пехотного полка, и 9 350 военнообязанных ландвера, в который предполагалось на 2 года зачислять отбывших воинскую повинность граничар. Согласно расчетам Ф.Ф. Торнау, в случае войны Военная Граница выставила бы примерно на 5 000 больше солдат, чем предполагалось требовать с нее ранее (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 48). Правда, был окончательно ликвидирован «общий резерв», а вместе с ним и возможность последовательного призыва пятых и шестых полковых батальонов, но определенные шаги в этом направлении были сделаны, как мы показали выше, еще во время реформ 1867 г. Во всяком случае, русский военный агент даже не рассматривал возможность мобилизации «общего резерва» в документе 1871 г., в отличие от документа 1864 г., и делал вывод, что введение новых порядков заметно увеличит мобилизационный ресурс Военной Границы (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 48).

Что касается иностранного обозревателя «Военного сборника», то Н.П. Глиноецкий прямо не критиковал предстоящую ликвидацию пограничных полков, но, судя по тексту его статьи 1869 г., считал данное решение политически мотивированным, а не вызванным военной целесообразностью. Как мы писали в прошлой части нашей работы, русский офицер не знал о падении боеспособности пограничных полков, и оценивал боевой потенциал Военной Границы весьма высоко. Поэтому и раздел своего текста о планируемом переводе граничар в гражданское состояние Н.П. Глиноецкий начал с утверждений о том, что пограничные полки дешевы в содержании, позволяют использовать людской ресурс населения куда лучше, чем регулярные войска, и, наконец, «граничары во все войны, веденные Австрией, составляли самые лучшие, самые надежные ее части» (Глиноецкий, 1869б: 98). Как явствует из подробно разобранных донесений Ф.Ф. Торнау, в самой Австро-Венгрии все эти три тезиса в 1860 гг. подвергались сомнению, а последний даже был, безусловно, опровергнут действительностью: в австро-франко-итальянскую пограничные полки проявили себя довольно слабо (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41). Однако до Н.П. Глиноецкого информация об изменении отношения австрийского генералитета к Военной Границе не дошла, и он связывал предстоящие реформы исключительно с давлением на правительство австрийских, венгерских и хорватских парламентариев, не упомянув даже о тяжелом экономическом положении граничар (Глиноецкий, 1869б: 98-100). На наш взгляд, иностранный обозреватель «Военного сборника» считал, что ликвидация Военной Границы ослабит австрийскую армию, лишив ее боеспособных и многочисленных пограничных полков.

Таким образом, сколько либо серьезного внимания российских офицеров начало ликвидации Военной Границы не привлекло. Политическая сторона данного процесса была предельно кратко изложена Н.П. Глиноецким на страницах «Военного сборника», а о военной из Вены сообщил Ф.Ф. Торнау. Интересы других авторов, прежде занимавшихся пограничными полками, к 1871 г. сместились в другую сторону: Н.И. Краснов к этому времени возглавил межевое и статистическое отделение Главного управления иррегулярных войск Военного Министерства (Королев, 1991: 235), а Б. Каталинич несколько отошел от своей «политической» деятельности (Нигалатий, 2007: 148-161). Да и темы, в связи с которыми эти военные писатели обращались к граничарам, утратили актуальность. Бывшие прогрессисты и казакоманы пришли к компромиссу в рамках Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений, в котором, по определению Д.А. Милютина, удалось «свести суждения на среднюю почву благоразумной умеренности, приняв одну руководящую мысль – отрешиться от прежней казачьей замкнутости и открыть простор развитию народного хозяйства, промышленности и торговли» (Милютин, 2005: 403). Отношения с Австро-Венгрией заметно потеплели, и российское посольство в Вене отказалось от поддержки панславистских идей (Карцов, 1908: 93). Поэтому даже тот эпизодический интерес отдельных российских военных авторов к Военной Границе, который был характерен для 1860 гг., сошел на нет. Только Ф.Ф. Торнау и Н.П. Глиноецкий продолжали интересоваться происходящим в пограничных полках, но скорее по долгу службы, и их тексты о граничарах конца 1860-начала 1870 гг. отличались крайним лаконизмом.

И новый этап демилитаризации пограничных полков, начавшийся в 1873 г., освещали уже другие люди. Н.П. Глиноецкий как раз в этом году ушел с должности иностранного обозревателя «Военного сборника»: его последняя статья о австрийской армии была опубликована в мартовском номере (Систематический указатель, 1891: 252), а приказ об упразднении сохранных в 1871 г. пограничных полков был издан 8 августа (*, 1873: 134). По любопытному совпадению, Ф.Ф. Торнау перестал быть военным агентом в Вене тоже совсем незадолго до этих событий, и донесение о «ликвидации Военной Границы» было одним из первых, отправленных в Санкт-Петербург его сменщиком, полковником В.В. Молоствовым (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 115. Л. 1-23).

3. Выводы

Нам остается констатировать, что русскоязычные материалы о Военной Границе, созданные в 1860 гг., до сих пор остаются почти неизвестны не только широкой публике, но и ученому сообществу. В значительной степени это связано с их спецификой: фактически, из рассмотренных нами авторов только Б. Каталинич создал крупную самостоятельную работу, специально посвященную граничарам. Интересы Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснова,

Н.П. Глиноецкого и М.И. Драгомирова были значительно шире, и отдельные упоминания о пограничных полках разбросаны во множестве их текстов на самые различные темы. Поиск информации о Военной Границе дополнительно затрудняет то, что значительная часть работ упомянутых авторов не была опубликована до сих пор, и хранится в РГВИА (в частности, остаются неопубликованными труд Б. Каталинича о граничарах, донесения Ф.Ф. Торнау из Вены, а так же исследование Н.И. Краснова о финансовой составляющей иррегулярных войск). Впрочем, и с печатными материалами дела обстоят немногим лучше: например, статьи Н.П. Глиноецкого не переиздавались с 1860 г., и не привлекали внимания позднейших исследователей Военной Границы.

Следовательно, работы В.И. Фрейдзона и М.В. Нигалатия можно считать только первым шагом на пути вовлечения в научный оборот русскоязычных материалов 1860 г. о пограничных полках. До сих пор остается неиспользованной та часть документов, которая касается специфики финансирования пограничной пехоты, отношения австрийского генералитета к частям, выставляемым Военной Границей, разработки проектов демилитаризации региона. Отечественные ученые почти не занимались собственно военной историей пограничных полков, из-за чего из их рассмотрения выпал целый пласт источников: публикации о граничарах в военной прессе, содержащие уникальную информацию о военно-административной системе Хорватии в целом. Наша работа также не претендует на системность и полноту: вероятно, детальный анализ русской периодической печати и архивных материалов позволит обнаружить значительное число неизвестных нам источников. Например, в «Русском инвалиде» регулярно сообщались сведения о последних иностранных событиях, часто достаточно детальные. Так, 3 апреля 1866 г. было опубликовано мнение одной из хорватских газет о венгро-хорватском антагонизме (*Известия, 1866b: 2*), а 21 апреля на страницах русского периодического издания нашлось место для перепечатки речей хорватской депутации в венгерском сейме (*Известия, 1866c: 3*). Учитывая тесную взаимосвязь Хорватии и Военной Границы, регулярно появлялись и материалы о граничарах: в частности, о том, что проект создания хорватского сабора в 1866 г. предполагал в случае сохранения пограничных полков дать их населению избирательное право, исходя из того, каждый полк будет представлен в парламенте 2 депутатами (*Известия, 1866a: 3*). Можно ожидать, что в российской гражданской печати подобных материалов было еще больше.

Однако достоверность сведений, сообщаемых отечественными авторами, вызывает серьезные сомнения. Как мы показали в своей работе, информация, содержащаяся в трудах Ф.Ф. Торнау и Б. Каталинича, Н.И. Краснова и Н.П. Глиноецкого весьма противоречива. При ее анализе необходимо учитывать как источниковую базу, на которую опирались данные авторы, так и их личные интересы, симпатии и антипатии. Например, Ф.Ф. Торнау придерживался умеренно-проавстрийских позиций, что выражалось в желании если не оправдать, то хотя бы понять правительственную политику по отношению к граничарам, а Б. Каталинич, напротив, был участником панславистского движения, и очевидно демонизировал монархию Габсбургов. Н.И. Краснова пограничные полки интересовали в качестве примера, доказывающего правильность его мнения о финансовой нецелесообразности существования иррегулярных войск, а Н.П. Глиноецкий и М.И. Драгомиров занимались австрийской армией в целом, и Военная Граница интересовала их только как часть австрийских вооруженных сил. При этом только Ф.Ф. Торнау жил в Австрии и непосредственно контактировал с австрийским генералитетом, хотя и это не спасло его от серьезных ошибок: русский агент в Вене все же был иностранным наблюдателем, не всегда способным в должной мере оценить полученные сведения. Б. Каталинич в своих записках основывался на личном опыте, который в значительной степени устарел: например, его описание военной организации граничар, данное в 1869 г. в русском переводе записки «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии», соответствует положению дел, существовавшему до военных реформ 1867 г. Н.П. Глиноецкий внимательно изучал иностранную военную литературу, но, как мы показали во второй части своей работы, в Австрии она была крайне несовершенна, темы последних войн в принципе не разрабатывались, и поэтому статьи иностранного обозревателя «Военного сборника» точны в деталях, но не учитывают многих значимых фактов, не попавших на страницы военной прессы. Наконец, Н.И. Краснов, не претендуя на

самостоятельное исследование Военной Границы, в своем сравнении граничар с казачеством полностью опирался на донесения Ф.Ф. Торнау, а М.И. Драгомиров был более чем лаконичен во всех описаниях, касавшихся австрийской армии, сообщая только представленные до него в российской военной литературе факты.

Именно подобная ситуация и порождает противоречия: например, Н.И. Краснов, пытаясь доказать в рамках полемики прогрессистов и казакоманов финансовую неэффективность иррегулярных войск, некритически приводит доводы сторонников ликвидации Военной Границы, считавших существование пограничных полков невыгодным государственной казне, а Н.П. Глиноецкий транслировал традиционные в военной литературе утверждения о дешевизне граничарских полков, не анализируя их. Таким образом, кажущаяся заочная полемика между двумя российскими военными писателями объяснялась тем, что они использовали разные источники. Серьезный анализ русскоязычных текстов о Военной Границе, созданных в 1860 гг., позволяет выявить явные неточности и объяснить подобные несоответствия, что в дальнейшем поможет более подробно реконструировать организацию пограничных полков в интересующий нас период, заполнив лауну в современной историографии.

Однако этим значение разобранных нами материалов не исчерпывается. Работы Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснова и Б. Каталинича позволяют по-новому взглянуть на важные процессы российской истории, понять некоторые особенности внешней и внутренней политики Российской империи. Отношение русских офицеров к граничарам было тесно связано с тремя значимыми для 1860 гг. дискуссиями в российском обществе: о перспективах существования иррегулярных войск, о панславистском движении и об отношениях с Австрийской империей. Ни в одном из этих трех случаев сюжеты, связанные с Военной Границей, не стали известны широким общественным кругам, однако их использование указанными авторами было по своему ярким и показательным. «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбытие этой воинской повинности льготами и привилегиями» Н.И. Краснова представляют собой один из последних и самых развернутых текстов донских прогрессистов, а содержащаяся данной работе апелляция к опыту пограничных полков была попыткой новыми доводами обосновать необходимость обращения российского казачества в гражданское состояние. Российская авантюра Б. Каталинича ярко продемонстрировала симпатии высших чиновников Российской империи к панславизму и их готовность сотрудничать даже с откровенными авантюристами, разыгрывающими славянскую карту. Доклады Ф.Ф. Торнау, на первый взгляд куда менее яркие, приобретают особый смысл при сопоставлении с текстами Б. Каталинича: русский военный агент в Вене в 1860 гг. был одним из немногих сотрудников российского посольства, призывающих не портить отношения с Австрийской империей и не переоценивать сепаратизм славянских народов. Таким образом, пытаясь понять, какой видели из России Военную Границу в 1860 гг., мы не только продемонстрировали ценность русскоязычных источников о граничарах данного периода и частично реконструировали на их основании систему организации пограничных полков, но показали, как своеобразно переплетались процессы на Военной Границе и в Российской империи в это десятилетие.

Литература

*, 1873 – *. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1873. № 10. С. 129-138.

Березин, 1879 – Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. Т.2. СПб., 1879. 591 с.

Ващенко, 2014 – Ващенко М.С. Отклики на работу Л.В. Березина «Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница» в русском обществе (по материалам печати) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 1. С. 78-82.

Виккеде, 1859 – Виккеде Ю. Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 672-728.

Глиноецкий, 1859 – Глиноецкий Н.П. Военное обозрение // Военный сборник. 1859. № 3. С. 287-300.

- Глиноецкий, 1867** – *Глиноецкий Н.П.* Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1867. №4. С. 189-211.
- Глиноецкий, 1869b** – *Глиноецкий Н.П.* Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №9. С. 89-116.
- Глиноецкий, 1869a** – *Глиноецкий Н.П.* Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №4. С. 193-212.
- Глиноецкий, 1871** – *Глиноецкий Н.П.* Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1871. №7. С. 57-78.
- Драгомиров, 1861** – *Драгомиров М.И.* Сольфериинская битва. СПб., 1861. 93 с.
- Драгомиров, 1867** – *Драгомиров М.И.* Австро-прусская война в 1866 г. (Статья вторая) // Военный сборник. 1867. №4. С. 69-128.
- Дронов, 2015** – *Дронов А.М.* Проекты реорганизации Военной Границы Монархии Габсбургов в 1850-1860 гг. [Электронный ресурс] // Конференция Ломоносов-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (дата обращения: 15.05.2016).
- Дронов, 2016** – *Дронов А.М.* Языковой вопрос на Военной Границе Габсбургской монархии в 1850–1870-е гг. // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 44-54.
- И.К., 1865** – *И.К.* Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 73-89.
- Известия, 1866b** – Иностранные известия // Русский инвалид. 1866. № 83. С. 2-3.
- Известия, 1866c** – Иностранные известия // Русский инвалид. 1866. № 101. С. 2-3.
- Известия, 1866a** – Иностранные известия // Русский инвалид. 1866. № 23. С. 2-3.
- Карцов, 1908** – *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии // Русская старина. Т. СXXXIII. 1908. С. 87-96.
- Королев, 1991** – *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Милютин, 2005** – *Милютин Д.А.* Воспоминания Д.А. Милютина. 1865-1867. М., 2005. 696 с.
- Нигалатий, 2007** – *Нигалатий М.В.* Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе // Вестник Тверского Государственного университета. Серия: История. 2007. № 25 (53). С. 148-161.
- Нигалатий, 2009** – *Нигалатий М.В.* Перспективы сербско-русского военного сотрудничества в 60-е – нач. 70-х гг. XIX в. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 2009. 27 с.
- Прибавление, 1852** – Прибавление к военному энциклопедическому лексикону. СПб., 1852. 215 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Свечин, 1928** – *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л., 1928. 619 с.
- Систематический указатель, 1891** – Систематический указатель Военного сборника за 1858-1890 гг. СПб., 1891. 304 с.
- Торнау, 1897** – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау // Исторический вестник. Т. XLVII. 1897. С. 419-447.
- Фрейдзон, 2001** – *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. СПб., 2001. 318 с.
- Энциклопедический словарь, 1891** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. III. СПб., 1891. 480 с.
- Godra, 1872** – *Godra B.* Flora des Peterwardeiner Grenz - Regiments Nr. 9 // Österreichische Botanische Zeitschrift. 1872. Vol. 22. No. 4. Pp. 133-135 [на немецком].
- Österreichisches, 2005** – Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950 (ÖBL), Band 12. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. P. 613 [на немецком].
- Volvenko, 2016** – *Volvenko A.A.* D.A. Milyutin and Cossacks // Blye Gody. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398-411.

References

- ***, 1873 – *****. Inostrannoe voennoe obozrenie [Foreign military review]. *Voennyi Sbornik*. 1873. № 10. Pp. 129-138. [in Russian]

- [Berezin, 1879](#) – *Berezin L.V.* (1879). Khorvatiya, Slavoniya, Dalmatsiya i Voennaya granitsa [Croatia, Slavonia, Dalmatia and Military frontier]. Vol. 2. SPb., P. 591. [in Russian]
- [Dragomirov, 1861](#) – *Dragomirov M.I.* (1861). Sol'ferinskaya bitva [Battle of Solferino]. SPb., P. 93. [in Russian]
- [Dragomirov, 1867](#) – *Dragomirov M.I.* (1867). Avstro-prusskaya voyna v 1866 g. (Stat'ya vtoraya) [The Austro-Prussian war in 1866 (second Article)]. *Voennyi Sbornik*. № 4. Pp. 69-128. [in Russian]
- [Dronov, 2015](#) – *Dronov A.M.* (2015). Proekty reorganizatsii Voennoi Granitsy Monarkhii Gabsburgov v 1850-1860 gg. [The Projects of reorganization of the Military frontier of the Habsburg Monarchy in the years 1850-1860] [Electronic resource]. Conference Lomonosov-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (reference date: 15.05.2016). [in Russian]
- [Dronov, 2016](#) – *Dronov A.M.* (2016). Yazykovoi vopros na Voennoi Granitse Gabsburgskoi monarkhii v 1850–1870-e gg. [The question of Language in the Military Border of the Habsburg monarchy in 1850–1870]. *Slavic almanac*. № 1-2. Pp. 44-54. [in Russian]
- [Entsiklopedicheskii slovar', 1891](#) – *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. III. SPb., 1891. P. 480. [in Russian]
- [Freidzon, 2001](#) – *Freidzon V.I.* (2001). Istoriya Khorvatii [The History Of Croatia]. SPb., P. 318. [in Russian]
- [Glinenoetskii, 1859](#) – *Glinenoetskii N.P.* (1859). Voennoe obozrenie [Military review]. *Voennyi Sbornik*. № 3. Pp. 287-300. [in Russian]
- [Glinenoetskii, 1867](#) – *Glinenoetskii N.P.* (1867). Inostrannoe voennoe obozrenie [Foreign military review]. *Voennyi Sbornik*. № 4. Pp. 189-211. [in Russian]
- [Glinenoetskii, 1869a](#) – *Glinenoetskii N.P.* (1869). Inostrannoe voennoe obozrenie [Foreign military review]. *Voennyi Sbornik*. № 4. Pp. 193-212. [in Russian]
- [Glinenoetskii, 1869b](#) – *Glinenoetskii N.P.* (1869). Inostrannoe voennoe obozrenie [Foreign military review]. *Voennyi Sbornik*. № 9. Pp. 89-116. [in Russian]
- [Glinenoetskii, 1871](#) – *Glinenoetskii N.P.* (1871). Inostrannoe voennoe obozrenie [Foreign military review]. *Voennyi Sbornik*. № 7. Pp. 57-78. [in Russian]
- [I.K., 1865](#) – *I.K.* (1865). Obuchenie molodyh kazakov v Donskom vojske [Training of young Cossacks from the Don]. *Voennyi Sbornik*. №1. Pp. 73-89. [in Russian]
- [Izvestiya, 1866a](#) – Inostrannye izvestiya [Foreign News]. *Russky Invalid*. 1866. № 23. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Izvestiya, 1866b](#) – Inostrannye izvestiya [Foreign News]. *Russky Invalid*. 1866. № 83. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Izvestiya, 1866c](#) – Inostrannye izvestiya [Foreign News]. *Russky Invalid*. 1866. № 101. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Kartsov, 1908](#) – *Kartsov Yu.S.* (1908). Za kulisami diplomatii [Behind the scenes of diplomacy]. *Russkaya starina*. Vol. CXXXIII. Pp. 87-96 [in Russian]
- [Korolev, 1991](#) – *Korolev V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. P. 464. [in Russian]
- [Milyutin, 2005](#) – *Milyutin D.A.* (2005). Vospominaniya D.A. Milyutina. 1865-1867 [Memories of D.A. Milutin. 1865-1867]. M. P. 696 [in Russian]
- [Nigalatii, 2007](#) – *Nigalatii M.V.* (2007). Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe [Bogoljub Katalinich: an Austrian officer-granichar in the Russian duty]. *Vestnik of Tver State University. Series: History*. № 25 (53). Pp. 148-161 [in Russian]
- [Nigalatii, 2009](#) – *Nigalatii M.V.* (2009). Perspektivy serbsko-russkogo voennogo sotrudnichestva v 60-e – nach. 70-kh gg. XIX v. : avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk [Prospects of the Serbian-Russian military cooperation in the 60 – early. 70s. XIX century.: Abstract dis. ... the candidate of historical sciences]. M. P. 27 [in Russian]
- [Pribavlenie, 1852](#) – *Pribavlenie k voennomu entsiklopedicheskomu leksikonu* [Addition to military encyclopedic lexicon]. SPb., 1852. P. 215 [in Russian]
- [RGVIA](#) – Russian state military and historical archive.
- [Sistemicheskii ukazatel', 1891](#) – *Sistemicheskii ukazatel' Voennogo sbornika za 1858-1890 gg.* [Systematic index of the Voennyi Sbornik of 1858-1890]. SPb., 1891. P. 304 [in Russian]

[Svechin, 1928](#) – *Svechin A.A.* (1928). Evolyutsiya voennogo iskusstva [Evolution of military art]. Vol. 2. M.-L. P. 619 [in Russian]

[Tornau, 1897](#) – *Tornau F.F.* (1897). Vospominaniya barona F.F. Tornau [Memoirs of baron F.F. Tornau]. *Historical journal*. Vol. XLVII. Pp. 419-447 [in Russian]

[Vashchenko, 2014](#) – *Vashchenko M.S.* (2014). Otkliki na rabotu L.V. Berezina «Khorvatiya, Slavoniya, Dalmatsiya i Voennaya granitsa» v russkom obshchestve (po materialam pechati) [Responses to the work of L. V. Berezin "Croatia, Slavonia, Dalmatia and Military frontier" in Russian society (on materials of the press)]. *Actual problems of humanitarian and natural Sciences*. №. 1. Pp. 78-82 [in Russian]

[Vikkede, 1859](#) – *Wikkede Yu.* (1859). Voennye sily Germanii i razvitiye ikh v noveishee vremya [Military forces of Germany and their development in recent times]. *Voennyi Sbornik*. № 2. Pp. 672-728 [in Russian]

[Österreichisches, 2005](#) – Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950 (ÖBL) [Austrian biographical lexicon 1815-1950 (ÖBL)]. Vol. 12. Vienna, 2005. P. 613 [in German]

[Volvenko, 2016](#) – *Volvenko A.A.* (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398-411 [in Russian]

[Godra, 1872](#) – *Godra B.* (1872). Flora des Peterwardeiner Grenz - Regiments Nr. 9 [Flora of the Peterwardein Border Regiment No. 9]. *Austrian Botanical Magazine*. Vol. No. 4. Pp. 133-135 [in German]

УДК [94\(497.5\)](#)

Военная Граница от битвы при Сольферино до начала демилитаризации: три взгляда из России (Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов, Б. Каталинич). Часть III

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^aМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. В статье на базе русскоязычных источников реконструируется организация Военной Границы в 1860 гг. Особое внимание уделено административно-территориальной системе пограничных полков и принципам их мобилизации. Автор показывает, что австрийское правительство начало проведение серьезных военных реформ только в 1867 г., а попытка реформы налогообложения граничар, предпринятая в 1864 г., провалилась. Результатом исследования является вывод о том, что Военная Граница вступила в бурный для Австрийской империи период 1860 гг. неподготовленной. Кроме того, автор приходит к выводу, что к началу 1870 гг. граничарская проблематика стала терять актуальность для тех российских военных писателей, которые писали о ней прежде. Поэтому процесс обращения граничар в гражданское состояние освещался уже другими офицерами и журналистами.

Ключевые слова: граничары, казаки, военно-поселенные войска, Австрийская империя, Н.П. Глиноецкий, Б. Каталинич, Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)